

Анатолий Яковлевич РЫЖЕНКОВ,
доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-2015-1709
Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)
профессор кафедры гражданского права и процесса
Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия
4077778@list.ru

Научная статья
УДК 341.1/8:504.06

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Международное экологическое право, тенденции и перспективы, климат, почва, Мировой океан, водные биоресурсы, природные ресурсы, энергия.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время большинство стран мира и международное сообщество в целом уже осознали настоятельную необходимость охраны окружающей среды. Несмотря на это, они крайне неохотно заключают международные соглашения, устанавливающие для них конкретные обязательства, влияющие на экономический рост и уровень жизни их граждан. Типичным примером запретов и ограничений в международном экологическом праве является принятие на себя государством обязанности использовать свою территорию таким образом, чтобы не причинять трансграничный ущерб другим странам. Это и многие другие международные обязательства реализуются государствами плохо, что стимулирует ведущиеся уже много лет доктринальные дискуссии о путях и способах реформирования международного экологического права. **Методы.** В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, был использован комплекс методов научного познания: диалектический метод, метод системного анализа, логический метод, сравнительно-правовой метод. Материалом для исследования являлись международно-правовые нормы, регулирующие отношения в области охраны окружающей среды, а также научные дискуссии по вопросам международного публичного и сравнительного права, отражающие тенденции и перспективы современного этапа международного сотрудничества в сфере охраны природы. **Результаты.** Международное экологическое право за почти 200-летнюю историю своего существования вполне успешно решило десятки серьезных экологических проблем. Многие вредные химические вещества теперь контролируются, озоновый слой восстанавливается, а популяции редких видов диких животных возрождаются. С другой стороны, некоторые иные показатели глобального качества окружающей среды продолжают ухудшаться. Действующие международные договоры остаются в значительной степени невыполненными; ряд государств в них не участвует. Всё это требует не просто конструктивной критики отдельных международных природоохранных норм, но и реформирования международного права с созданием более надежных контрольных механизмов, дальнейшей экологизации международного права, укрепления взаимодействия между отраслями международного права, правом и политикой.

ВВЕДЕНИЕ

Повышение уровня общественного внимания к вопросам охраны окружающей среды стало важнейшим событием последних десятилетий. Тенденции глобализации способствовали налаживанию международного экологического сотрудничества, поскольку экологические проблемы давно уже выходят за рамки национальных границ и оказывают серьезное воздействие на состояние экосистем всей Земли. Однако для того, чтобы страны пожертвовали частью своего суверенитета, необходимо убедить их в том, что взамен они получают некоторые выгоды в случае коллективного решения проблемы [1, с. 181-190].

Как правило, страны обращаются к международному сотрудничеству, когда воздействие на окружающую среду является трансграничным (как это происходит, например, в случае с загрязнением Великих озер) или глобальным (изменение климата); когда та или иная международная

деятельность должна быть запрещена, поскольку способствует нанесению невосполнимого вреда окружающей среде (международная торговля слоновой костью или убийство китов, например); когда международная координация финансовой или технической поддержки может способствовать международному экологическому сотрудничеству (в частности, это касается глобального сохранения биоразнообразия). При наличии этих обстоятельств международное сотрудничество (в форме обязывающего договора или необязательной для исполнения декларации «мягкого права») может стать эффективным способом реагирования на экологические вызовы.

Между тем в последнее время международное экологическое право (далее – МЭП) характеризуется двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, большинство стран мира и международное сообщество в целом осознали настоятельную необходимость охраны окружаю-

Anatoly YA. RYZHENKOV,
Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-2015-1709
Kalmyk State University (Elista, Russia)
Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Honored Scientist of the Republic of Kalmykia
4077778@list.ru

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION: THEORETICAL ISSUES

KEYWORDS. International environmental law, trends and prospects, climate, soil, World Ocean, aquatic bioresources, natural resources, energy.

ANNOTATION. Introduction. Currently, most countries in the world and the international community as a whole have already realized the urgent need for environmental protection. Despite this, they are extremely reluctant to enter into international agreements that establish specific obligations for them that affect economic growth and the standard of living of their citizens. A typical example of such prohibitions and restrictions in international environmental law is the assumption by a state of the obligation to use its territory in such a way as not to cause transboundary damage to other countries. This and many other international obligations are poorly implemented by states, which stimulates the doctrinal discussions that have been ongoing for many years about the ways and means of reforming international environmental law. **Methods.** In the course of the study, the results of which are presented in the article, a set of scientific methods of cognition was used: the dialectical method, the method of systems analysis, the logical method, the comparative legal method. The material for the study was international legal norms regulating relations in the field of environmental protection, as well as scientific discussions on international public and comparative law, reflecting the trends and prospects of the current stage of international cooperation in the field of nature conservation. **Results.** International environmental law has successfully solved dozens of serious environmental problems over its nearly 200-year history. Many harmful chemicals are now controlled, the ozone layer is being restored, and populations of rare wild animal species are being revived. On the other hand, some other indicators of global environmental quality continue to deteriorate. Current international treaties remain largely unimplemented; a number of states do not participate in them. All this requires not only constructive criticism of individual international environmental standards, but also reform of international law with the creation of more reliable control mechanisms, further greening of international law, and strengthening of interaction between the branches of international law, law, and politics.

щей среды; в то же время, с другой стороны, они неохотно заключают международные соглашения, устанавливающие для них конкретные обязательства, влияющие на экономический рост и уровень жизни населения. Типичным примером сложностей с установлением запретов и ограничений в рамках МЭП является принятие на себя государством обязанности использовать свою территорию таким образом, чтобы не причинять трансграничный ущерб другим странам. Это и многие другие международные обязательства на практике реализуются плохо, что стимулирует ведущиеся уже много лет доктринальные дискуссии о путях и способах реформирования МЭП.

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого послужили основой для написания данной статьи, были использованы различные методы научного познания: диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними; метод системного анализа как подход к изучению сложных конструкций, включающий в себя изучение и моделирование их структуры, взаимосвязей и поведения; логический метод, позволивший дать определение понятия «международное сотрудничество в области охраны окружающей среды» и выявить его состав; сравнительно-правовой метод, основная идея которого заключается в изучении

законодательства, судебной практики и других правовых институтов различных стран для понимания и сравнения основных принципов и подходов к регулированию интересующих нас правовых отношений. Материалом для исследования стали международно-правовые нормы, регулирующие отношения в области охраны окружающей среды, а также научные работы по вопросам международного публичного и сравнительного права, отражающие тенденции и перспективы современного этапа международного сотрудничества в деятельности по охране природы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Несмотря на высокую востребованность МЭП и многолетние дискуссии, развернувшиеся вокруг него, в правовой науке до сих пор нет единого мнения относительно определения данного феномена, а также его места в системе международного публичного права. Некоторые ученые полагают, что международная охрана окружающей среды – это совокупность правовых принципов и практики национальных, международных и транснациональных систем экологического регулирования, ориентированных на защиту окружающей среды и управление природными ресурсами. Соответственно этому выделяются три подсистемы: международное публичное экологическое право; национальное экологическое законодательство; транснациональное право (нормы и принципы последнего используются для регулирования

трансграничных отношений между частными лицами и организациями) [2, с. 2]. Данный подход к пониманию целей и структуры МЭП может быть обозначен как широкий. Другие сторонники широкого подхода пишут, что МЭП – это набор соглашений и принципов, отражающих коллективные усилия стран мира по управлению переходом к антропоцену путем решения существующих серьезных экологических проблем, включая изменение климата, истощение озонового слоя и массовое вымирание диких животных. В более общем плане МЭП предназначено для достижения целей устойчивого развития, то есть развития, которое позволяет людям иметь высокое качество жизни сегодня, не жертвуя качеством жизни будущих поколений [3].

В свою очередь, сторонники узкого подхода к пониманию МЭП отмечают, что это «совокупность принципов и норм, направленных на обеспечение рационального использования природных ресурсов и защиту окружающей среды от загрязнения»¹. Такой подход может быть назван классическим, и он весьма распространен в российской науке международного экологического права. В несколько более объемной версии сторонники классического (узкого) подхода исходят из того, что МЭП – это совокупность «принципов и норм, регулирующих отношения субъектов международного права по рациональному использованию природных ресурсов, охране окружающей среды от загрязнения и сотрудничеству государств в целях обеспечения для человечества благоприятной среды обитания»².

Признавая ценность представленных общепринятых подходов к пониманию сущности и целей МЭП, отметим, что в настоящее время МЭП объективно стоит перед выбором новой стратегии развития, что должно отражаться и в его определении. В этом смысле широкий подход, упоминающий новые цели МЭП (включая устойчивое развитие, изменение климата, охрану озонового слоя), выглядит более перспективным.

Между тем в российской правовой науке уже много лет ставится под сомнение само название данной отрасли международного публичного права. Некоторые ученые полагают, что использование термина «международное экологическое право» нецелесообразно, поскольку он не совсем точен и не отражает всей сути данной отрасли международного публичного права. Взамен как более удачный предлагается термин «международное право окружающей среды»³. Хотя многие юристы-международники считают данные термины тождественными⁴. Представляется, что между ними и правда нет принципиальной разницы, и преимущественный выбор одного вместо другого отражает лишь эстетические воззрения автора.

Развивая высказанные точки зрения, необходимо обратить внимание на ряд аспектов:

1. Одной из объективно существующих ныне тенденций развития МЭП является расширение сферы его правового регулирования, вовлечение в неё всё новых групп общественных отношений (климат и др.). Результатом осмысления этой динамики в научной литературе стало обоснование предложений о дополнении двух традиционных (классических) групп отношений, регулируемых нормами МЭП (по поводу охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов), еще двумя группами, а именно отношениями по поводу обеспечения экологической безопасности [4] и соблюдения экологических прав человека [5, с. 54-55]. Сама по себе идея расширения предмета правового регулирования МЭП не вызывает никаких возражений, однако предложенные дополнения, при всей их безусловной ценности, всё-таки носят дискуссионный характер. Дело в том, что в российском внутригосударственном экологическом праве давно идут дискуссии о соотношении понятий «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности». Диапазон мнений достаточно широк: одни авторы считают экологическую безопасность институтом экологического права [6]; другие – принципом охраны окружающей среды [7]; третьи – целью охраны природы [8]. Последняя точка зрения применительно к национальному праву представляется наиболее обоснованной: если охрана окружающей среды – это деятельность органов публичной власти и гражданского общества, направленная на снижение антропогенного давления промышленной и иной хозяйственной деятельности на состояние окружающей среды, то какова будет ее цель? Логично предположить, что таковой является достижение состояния защищенности жизненно важных для человека экосистем, снижение объема выбросов и сбросов [9]. Думается, что такая логика может быть распространена и на сферу МЭП. При этом соблюдение экологических прав человека допустимо рассматривать как одну из целей обеспечения экологической безопасности.

2. Не менее важным доктринальным вопросом является определение того, между кем возникают международные экологические отношения. По мнению М.М. Бринчука, это отношения в сфере взаимодействия человечества с природой⁵. Такой вывод носит эгоцентричный характер, однако в существующей в нашей стране научной правовой доктрине общественные отношения могут возникать только между людьми (или созданными ими организациями, государством), но не между людьми и природными объектами. Последние в рамках действующего международного и национального

¹ Международное публичное право: Учебник / Л.П. Ануфриева, Д.К. Бекашев, К.А. Бекашев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 625.

² Международное право: Учебник / Под ред. К.К. Гасанова, Д.Д. Шалягина. М.: Юнити-Дана, 2010. С. 384.

³ Дикусар В.М. Международно-правовые проблемы охраны окружающей среды: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. С. 8.

⁴ См., например: Трусов А.Г. Международное экологическое право (Международное право окружающей среды): Учебно-методическое пособие. М., МНЭПУ, 1999. 83 с.

⁵ Бринчук М.М. Экологическое право: Учебник. М., 1998. С. 633.

законодательства всё-таки являются объектом, а не субъектом права. С другой стороны, если мы увлечемся идеей поиска только конкретных субъектов МЭП, то рискуем прийти к другой крайности – к выводу о том, что общее наследие человечества, например океанское дно, в связи с тем, что не имеет конкретного субъекта, не может иметь права на существование. Однако подобный вывод противоречил бы нормам и принципам МЭП, закрепленным в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Таким образом, вопрос о субъекте международно-правовой охраны окружающей среды остается открытым в сфере научных дискуссий и поиск ответа на него будет продолжен. Почву для такого поиска создают доклады Генерального секретаря ООН¹, в которых отстаивается идея правосубъектности Природы (Матери-Земли) вслед за законами и конституциями некоторых стран Латинской Америки, где данная идея впервые была озвучена исследователями [10] и законодателями (ст. 71 Конституции Республики Эквадор, например). В рамках этого подхода всё чаще говорят о системном праве Земли как новой концепции, которая сможет открыть новую эру в юридической науке, позволит всесторонне реагировать на нормативные вызовы, возникающие в связи с изменением экосистемы Земли в антропоцене. Сторонники данной концепции формулируют основные положения права Земли, что должно привести, по их мнению, к ряду концептуальных и нормативных изменений, необходимых для того, чтобы в конечном итоге перейти от МЭП к более зрелой форме законодательства о системных правах Земли [11]. Следует подчеркнуть, что идея прав Природы (или прав Земли) не имеет ничего общего с концепцией прав человека. Говоря о правах Природы, речь идет скорее о необходимости учета экосистемных связей при планировании хозяйственной и иной деятельности человека или о создании более эффективного механизма защиты окружающей среды посредством международного и национального правосудия. Применительно к правовой политике Российской Федерации все эти цели могут быть достигнуты не через радикальное изменение представлений о правосубъектности, а путем развития категории «объект правоотношений», улучшения средств правовой защиты этого объекта.

3. В правовой науке уже много лет идут дискуссии о структуре МЭП. И если, например, самостоятельность международного энергетического права не вызывает особых сомнений (при признании горизонтальных связей с МЭП), то по поводу существования международного природоресурсного права ученые расходятся во мнениях. С одной стороны, к числу главных специальных принципов МЭП относится принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами (и в этой части никакого международного природоресурсного права не может быть в принципе). С другой стороны, существуют водные и биологи-

ческие ресурсы, которые не находятся в юрисдикции конкретного государства, обладают высокой стоимостью и используются в целях извлечения прибыли представителями разных стран. На вопросы, касающиеся регламентации статуса таких ресурсов, пытается дать ответ международное публичное право, и это означает выделение «международного природоресурсного права в качестве формирующейся подотрасли международного права окружающей среды»². Данная подотрасль сейчас представлена (как минимум) нормами о районе морского дна Конвенции ООН по морскому праву, а также рядом двусторонних соглашений о сотрудничестве в области рыболовства.

4. Объективные данные о низкой эффективности МЭП обуславливают позицию ряда ученых о необходимости сокращения сферы его действия. Такие авторы научных работ пишут, что внедрение оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) и принципа предосторожности за пределами юрисдикции государств чрезмерно перегружает и обременяет государство. Этот подход отличается от изложенного во множестве публикаций мнения большинства, которое весьма благоприятно оценивает полезный вклад ОВОС и принципа предосторожности в международное экологическое право. Однако результаты их тщательного и детального анализа показывают, что целесообразность действия ОВОС и принципа предосторожности в сфере МЭП вызывает сомнения, касающиеся их правового содержания и легитимности. Существует ряд нерешенных вопросов, имеющих отношение как к ОВОС, так и к принципу предосторожности, включая неопределенность их содержания, нечеткость их положения в общем международном праве, отсутствие универсальности в их формулировании и применении [12].

Соглашаясь с подобного рода критическими оценками, тем не менее подчеркнем, что если мы пойдем по пути исключения малоэффективных норм и создания дополнительных пробелов в правовом регулировании экологических отношений, то он может завести нас только в тупик. Более прагматичным представляется переосмысление концепции МЭП, принципов, на которых она основана, причин неэффективности некоторых международных конвенций и договоров, внесение в них изменений и дополнений, широкое обсуждение сложной ситуации с МЭП и поиск совместных решений по его развитию.

5. В рамках последней дискуссии уже предлагается новая концепция МЭП, сильно выходящая за существующие нормативные рамки. Автор этой новой концепции отмечает, что нынешний кризис МЭП был обусловлен тем, что проблемы, с которыми оно сталкивается, распространяются далеко за пределы собственно экологии. И они требуют принятия мер, намного более действенных, чем те, которые доступны при использовании традиционных или даже новых инструментов экологического права.

¹ См., например: Доклад Генерального секретаря ООН от 19.07.2017 «В гармонии с природой» // Организация Объединенных Наций: сайт // URL: <https://undocs.org/ru/A/72/175> (дата обращения 22.10.2024).

² Василенко Е.В. Формирование международного природоресурсного права: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. С. 11-20.

Речь идет о признании того, что, хотя усилия по улучшению функционирования МЭП имеют жизненно важное значение и должны продолжаться, есть настоятельная необходимость в том, чтобы эти усилия не ограничивались сферой действия международного экологического права. По сути, большая часть экологического права (как национального, так и международного) предполагает поиск путей учета негативных внешних факторов человеческого поведения. Однако мы достигли точки, когда внешние факторы и масштабы человеческой деятельности, особенно в части потребления энергии, слишком велики, чтобы их можно было рассматривать исключительно в рамках экологического права. В результате эти важнейшие проблемы, особенно изменение климата, больше не могут быть отнесены к компетенции группы субъектов и институтов, которые принципиально не способны к самостоятельному принятию эффективных мер реагирования, и им приходится заручаться необходимой для этого политической волей, основанной на традиционном подходе к решению проблем.

В период своей молодости МЭП было способно решать экологические проблемы, которые тогда считались серьезными (и трудноразрешимыми), например сброс отходов в океан, китобойный промысел (поскольку эта проблема стала экологической) и даже разрушение озонового слоя. Однако эти серьезные проблемы с практической точки зрения вполне укладывались в рамки международного экологического права и были достаточно понятными, чтобы их можно было рассматривать и решать посредством права. Между тем сегодня перед нами стоят проблемы совсем другого (более высокого) уровня сложности, которые никак не может решить МЭП. Эти глобальные проблемы не могут быть решены нормами экологического права в его традиционном понимании. Дело в том, что как в части причин их возникновения, так и своими последствиями они затрагивают области права и политики, которые находятся далеко за пределами ведения традиционного экологического законодательства.

Изменение климата, безусловно, является самым простым примером такой проблемы. Невозможно говорить об изменении климата, не упоминая о свободе торговли, о выборе источников энергии, о гуманитарном праве и правах человека и даже о праве интеллектуальной собственности. Если торговля является частью глобальной экологической проблемы, то, например, корректировка торговых режимов ВТО должна стать одним из элементов ее решения. Международная политика в области изменения климата не может быть реализована только с помощью соответствующей рамочной конвенции Организации Объединенных Наций¹ и требует координации политики целого ряда международных учреждений как внутри системы ООН, так и за ее пределами. Однако в рамках традиционной научной доктрины, даже когда она признаёт, что причины и последствия изменения климата пересекаются, например, с вопро-

сами торговли, правами человека, гуманитарным правом, правом интеллектуальной собственности [13], всё равно границы между этими предметами изучения остаются незыблемыми. Изменение климата оказывается в значительной мере за пределами этих сфер, оно отнесено к области МЭП, несмотря на то обстоятельство, что многие попытки решения климатических проблем оказываются несовершенными, если не сказать провальными.

Такая фрагментация не является ни неожиданной, ни юридически предосудительной; только так работает международное право. Отсюда вытекает необходимость разработки новой концепции «глобального экологического права». Этот термин получил широкое распространение, как отмечает С.П. Карларн, в качестве рамочного инструмента для описания пересечений традиционного международного публичного экологического права с транснациональными и национальными системами экологического права [14, с. 14-20]. Полностью соглашаясь с мнением процитированного ученого в части ее оценок и предложений, заметим, что причина неэффективности МЭП заключается в нежелании государств налагать на собственную экономику экологические ограничения, которые могут обеспечить конкурентные преимущества соседним странам и их бизнесу. Или, по крайней мере, в очень осторожном подходе к решению этого вопроса. Переломить тенденцию посредством улучшения взаимодействия международных и национальных правовых систем едва ли получится, хотя локальный позитивный результат может быть достигнут.

ОБСУЖДЕНИЕ

Наряду с фундаментальными проблемами существования и развития международного экологического права в мировой юридической науке обсуждаются и проблемы МЭП, носящие более практический характер, вследствие чего их решение в большей степени представляется возможным.

1. В настоящее время правовая охрана почв оставлена на усмотрение национальных законодательств, поэтому она тесно привязана к национальной территории на суше. В рамках международного права охрана почв долгое время не учитывалась при заключении международных соглашений. В дальнейшем произошли изменения, направленные на укрепление международного «права почв», особенно в контексте стремления к декарбонизации и борьбы с опустыниванием и деградацией земель. Таким образом, состояние почв представляет международный интерес, поскольку оно имеет решающее значение для борьбы с изменением климата, для охраны здоровья людей, сохранения биоразнообразия и экосистем, обеспечения продовольственной безопасности.

Несмотря на то, что в нескольких международных документах признается важность сохранения почв, всеобъемлющих и транснациональных конвенций по этому вопросу не существует. Один из доводов, которые приводят противники всеобъемлющего, глобального и обязательного междуна-

¹ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (принята 09.05.1992) // ООН: сайт // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml.

родного регулирования охраны почв, заключается в том, что почва неподвижна и имеет уникальные местные проблемы, которые и решать следует также на местном уровне. Европейская хартия почв 1972 года считается первым международным документом, касающимся почв. Всемирная хартия почв, согласованная Программой Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) в координации с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией (ФАО), была принята в 1981 году. Однако она содержит необязательные руководящие принципы, касающиеся сохранения почв, и призвана лишь помочь государствам в разработке внутренней политики.

Из этого следует, что международная система управления почвами остается в высшей степени фрагментированной, в то время как существующие международные правовые документы охватывают лишь отдельные аспекты охраны почв в относительно свободной форме. Почвы играют важную роль в обеспечении продовольственной безопасности и, следовательно, права на питание. А так как в международных соглашениях слабо отображаются задачи по защите почв (хотя цели в области климата не могут быть достигнуты без их защиты и сохранения), то же самое можно сказать и о задачах по обеспечению права на питание [15].

2. Одной из нерешенных проблем МЭП является отсутствие должного регулирования привлечения к ответственности за преступления экоцида. С точки зрения российской науки уголовного права экоцид – это массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных привести к экологической катастрофе. Экоцид косвенно упоминается в ряде международно-правовых актов (I Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1949 года, Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 года), однако специального международного акта, определяющего единые подходы к квалификации данного деяния, нет [16]. Отсюда возникает ряд проблем, например, не совсем ясно, что такое «экологическая катастрофа». Этого понятия ни российское, ни международное право не знает; не определены его признаки. Представляется обоснованным включение преступлений экоцида в юрисдикцию Международного уголовного суда.

3. В научной литературе всё чаще высказывается предложение о необходимости (в дополнение к двум пактам о правах человека 1966 года) разработать и принять Международный пакт об экологических правах человека. В нем следует отразить комплексный подход к регулированию международных отношений, связанных с обеспечением прав каждого человека на благоприятную окружающую среду. Первым шагом в этом направлении могло бы стать принятие разработанного Комиссией ООН по правам человека и Подкомиссией ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Декларации принципов по

правам человека и окружающей среде. С учетом положений этого документа впоследствии может быть разработан и принят названный нами выше пакт, в рамках которого целесообразно предусмотреть учреждение нового контрольного органа – Комитета ООН по экологическим правам человека, определив его задачи, функции и полномочия¹.

4. Наряду с универсальными проблемами охраны окружающей среды в поле зрения МЭП всё чаще попадают региональные экологические проблемы. Показательным примером является охрана экосистем Каспийского моря. Одна из главных проблем их международно-правовой защиты заключается в том, что в праве прикаспийских стран слабо представлена специфика нормативного регулирования экологических проблем Каспийского моря. Среди принципов, которые следует в нем отразить, необходимо особо выделить принцип предосторожности, который был закреплен в ряде конвенций по экологической защите морской среды [17].

Перечисленными проблемами текущая повестка дня МЭП не исчерпывается. Остаются актуальными проблемы контроля массы стойких органических загрязнителей в окружающей среде; регулирования всё еще плохо изученных рисков, связанных с нанотехнологиями [18]; борьбы с глобальным изменением климата; снижения объемов образования отходов, особенно пластика и микропластика. Решение этих проблем требует как международного сотрудничества, так и развита национального законодательства. Например, Россия до сих пор не ратифицировала такой важный акт МЭП, как Орхусская конвенция 1998 года, разработка которой была ориентирована на создание дополнительных гарантий защиты прав человека на благоприятную окружающую среду, на доступ к информации, на участие общественности в процессе принятия решений, на доступ к правосудию по вопросам охраны природы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международное экологическое право за почти 200-летнюю историю своего существования успешно решило немало очень серьезных проблем. Немало вредных химических веществ теперь находится под контролем, озоновый слой восстанавливается, а популяции редких видов диких животных, включая китов и морских черепах, увеличиваются благодаря международным экологическим соглашениям. С другой стороны, множество показателей глобального качества окружающей среды, включая сокращение рыбных запасов, повышение температуры и увеличение объемов вырубки лесов, ухудшилось за десятилетия, прошедшие после решений, закрепленных Конференциями ООН в Стокгольме и Рио-де-Жанейро. Уже достаточно доказательств того, что проблемы антропогенного изменения окружающей среды будут иметь негативные последствия глобального масштаба, если их не решать. Международное экологическое право – это всего лишь один (хотя и необходимый) инструмент для успешного решения подобного рода новых проблем.

¹ Пушкарева Э.Ф. Международный экологический правопорядок и экологические права человека: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 15-17.

К сожалению, многие действующие международные экологические договоры остаются в значительной степени невыполненными. Более того, многие важные международные договоры имеют обязательную силу только для тех государств, которые стали их участниками, что зачастую вносит значительные коррективы в сферу действия природоохранных соглашений. До сих пор не существует международного договора, в котором были бы сформулированы обязатель-

ные всеобъемлющие принципы, объединяющие отраслевые природоохранные соглашения. Всё это требует не просто конструктивной критики тех или иных международных природоохранных норм, но и реформирования МЭП с созданием более надежных международных контрольных механизмов, дальнейшей экологизации международного права, укрепления взаимодействия МЭП с торговым и иными отраслями международного права. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Актуальные проблемы теории экологического права / Е.Н. Абанина, А.П. Алексеева, А.П. Анисимов и др. М.: Юрлитинформ, 2019. 520 с.
2. Singh A. Principles and Development of International Environmental Law // Pen Acclaims. 2020. Vol. 10. P. 1-14.
3. Hunter D. International treaties and principles protect the environment and guard against climate change // Insights on Law & Society. 2021. Vol. 19. Iss. 1. Art. 1.
4. Алексеева А.П. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке: Тезисы докладов научно-практической конференции. Волгоград: Волгоградский филиал МУПК, 2001. С. 129-132.
5. Копылов М.Н. Международное экологическое право как отрасль современного международного права // Государство и право. 2007. № 1. С. 54-63.
6. Жаворонкова Н.Г. Экологическая безопасность как институт экологического права России // Lex Russica (Русский закон). 2006. Т. 65. № 6. С. 1124-1134.
7. Бринчук М.М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? // Государство и право. 1994. № 8/9. С. 118-127.
8. Анисимов А.П. Современные правовые проблемы обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3. С. 41-46.
9. Алексеева А.П., Анисимов А.П. «Экологический терроризм» и «экологический радикализм» в доктрине и законодательстве России: разграничение понятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 54-58.
10. Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion // Revista Catalana de Dret Ambiental. 2024. Vol. XV. № 1. P. 1-34.
11. Kotze L.J., Kim R.E. Earth System Law: The Juridical Dimensions of Earth System Governance // Earth System Governance. 2019. Vol. 1. 100003.
12. Fitzmaurice M. Legitimacy of International Environmental Law. The Sovereign States Overwhelmed by Obligations: Responsibility to React to Problems Beyond National Jurisdiction? // Heidelberg Journal of International Law. 2017. Vol. 77. P. 339-370.
13. Greene M. Three Letters Preventing the Success of International Environmental Treaties // Southeastern Environmental Law Journal. 2009. Vol. 18. Iss. 1. P. 137-171.
14. Carlarne C. Delinking International Environmental Law & Climate Change // Michigan Journal of Environmental & Administrative Law. 2014. Vol. 4. Iss. 1. P. 1-60.
15. Ruppel O.C. Overview of International Soil Law // Soil Security. 2022. Vol. 6. 100056.
16. Веревичева М.И. К вопросу об уголовной ответственности за экоцид // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2010. № 2. С. 64-66.
17. Джавадова А.С. Международно-правовая защита среды Каспийского моря // Приоритетные направления развития образования и науки. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2017. С. 387-393.
18. Анисимов А.П. Охрана окружающей среды от негативного воздействия нанотехнологий // Аграрное и земельное право. 2012. № 5. С. 93-95.

REFERENCES

1. Aktual'nyye problemy teorii ekologicheskogo prava / Ye.N. Abanina, A.P. Alekseyeva, A.P. Anisimov i dr. M.: Yurlitinform, 2019. 520 s.
2. Singh A. Principles and Development of International Environmental Law // Pen Acclaims. 2020. V. 10. P. 1-14.
3. Hunter D. International treaties and principles protect the environment and guard against climate change // Insights on Law & Society. 2021. Vol. 19. Iss. 1. Art. 1.
4. Alekseyeva A.P. Otvetstvennost' za ekologicheskkiye pravonarusheniya (prestupleniya) // Puti razvitiya rossiyskoy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya v XXI veke: Tezisy докладов nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd: Volgogradskiy filial MUPK, 2001. S. 129-132.
5. Kopylov M.N. Mezhdunarodnoye ekologicheskoye pravo kak otrasl' sovremennogo mezhdunarodnogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 1. S. 54-63.

6. Zhavoronkova N.G. Ekologicheskaya bezopasnost' kak institut ekologicheskogo prava Rossii // Lex Russica (Russkiy zakon). 2006. T. 65. № 6. S. 1124-1134.
7. Brinchuk M.M. Okhranyat' okruzhayushchuyu sredu ili obespechivat' ekologicheskuyu bezopasnost'? // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 8/9. S. 118-127.
8. Anisimov A.P. Sovremennyye pravovyye problemy obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 3. S. 41-46.
9. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. «Ekologicheskiy terrorizm» i «ekologicheskiy radikalizm» v doktrine i zakonodatel'stve Rossii: razgranicheniye ponyatiy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 2 (65). S. 54-58.
10. Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion // Revista Catalana de Dret Ambiental. 2024. Vol. XV. № 1. P. 1-34.
11. Kotze L.J., Kim R.E. Earth System Law: The Juridical Dimensions of Earth System Governance // Earth System Governance. 2019. Vol. 1. 100003.
12. Fitzmaurice M. Legitimacy of International Environmental Law. The Sovereign States Overwhelmed by Obligations: Responsibility to React to Problems Beyond National Jurisdiction? // Heidelberg Journal of International Law. 2017. Vol. 77. P. 339-370.
13. Greene M. Three Letters Preventing the Success of International Environmental Treaties // Southeastern Environmental Law Journal. 2009. Vol. 18. Iss. 1. P. 137-171.
14. Carlarne C. Delinking International Environmental Law & Climate Change // Michigan Journal of Environmental & Administrative Law. 2014. Vol. 4. Iss. 1. P. 1-60.
15. Ruppel O.C. Overview of International Soil Law // Soil Security. 2022. Vol. 6. 100056.
16. Verevicheva M.I. K voprosu ob ugolovnoy otvetstvennosti za ekotsid // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo». 2010. № 2. S. 64-66.
17. Dzhavadova A.S. Mezhdunarodno-pravovaya zashchita sredey Kaspiyskogo morya // Prioritetnyye napravleniya razvitiya obrazovaniya i nauki. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Cheboksary, 2017. S. 387-393.
18. Anisimov A.P. Okhrana okruzhayushchey sredey ot negativnogo vozdeystviya nanotekhnologiy // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2012. № 5. S. 93-95.

© Рыженков А.Я., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рыженков А.Я. Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды: вопросы теории // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 142-149.